
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В МИРЕ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

«Самый русский поэт» – так озаглавил свою статью о Сергее Есенине Евгений Евтушенко. «Да не обидятся на меня ни мертвые, ни живые, но именно так я думаю о Есенине, – писал автор. – Это не означает самый великий»¹. И далее Евтушенко конкретизирует свою мысль: «Поэзия Есенина – явление самородное. Есенинская интонация обладает волшебным блеском того минерала, который существует лишь в структуре русской земли. Поэзия Есенина – дитя только русской природы и только русского языка, включая сказки, частушки, крестьянские песни, пословицы и поговорки, сохранившиеся с древних времен заклинания, причитания, обрядовые хоры...»².

В этих словах определена одна из самых существенных сторон поэзии Есенина. И из них как бы вытекает, что по-настоящему, во всей ее глубине и полноте эту поэзию может понять только русский человек. Но она вошла в сердца людей самых разных национальностей, и здесь нет парадокса: ведь истинно национальное – это еще и общечеловеческое. И нас заинтересовал вопрос: какие струны души армянских поэтов задела есенинская лира, чем взволновала, как была понята, оставила ли след в их творчестве? Попытаемся высветить некоторые аспекты этой темы, разумеется, никак не претендуя на ее всеохватность.

Начнем с поэтов, которые были уже известны в те годы, когда жил Есенин: это такие классики армянской литературы, как Егише Чаренц (1897-1937) и Гурген Маари (1903-1969).

Чаренц, начавший свой творческий путь не без влияния символизма и к началу 20-х годов уже автор целого ряда поэтических шедевров (как стихотворений, так и поэм), переживал в это время довольно сложный процесс творческого переустройства. Вспомним литературную атмосферу первой половины 20-х гг. в советской стране: наличие различных литературных группировок, новые требования к искусству и литературе... Искренне приняв эти требования, Чаренц создает свою «Группу трех» (Е. Чаренц, Г. Абов, А. Вштуни), а в «Декларации трех» (1922) провозглашаются творческие принципы группы: воспевание того, что современно, – революции, классовой борьбы, строительства новой жизни. И не случайно, конечно, среди первых переводов Чаренца из русской поэзии, опубликованных в 1923 г., есть и написанное С. Есениным в 1917 г. – под

¹ **Евтушенко Е.** Самый русский поэт. В кн.: «В мире Есенина». М., 1986, с. 102.

² Там же, с. 103.

впечатлением революционных событий – стихотворение «Товарищ». Это был, собственно, не перевод, а весьма свободное переложение. Впоследствии, поместив его в своем одномомнике 1932 г. в разделе «Переводы», Чаренц подчеркнул свой достаточно вольный подход к оригиналу подзаголовком: «Из Сергея Есенина»³. («Շուտ Արդէլի Եսենինի»)

В том же 1923 году, когда был впервые опубликован чаренцевский перевод стихотворения «Товарищ», поэт в своей статье «Современная русская поэзия» и в публичной лекции на ту же тему очень высоко отозвался о поэзии Есенина. Характеризуя различные современные литературные направления, в том числе и имажинистов, Чаренц в статье отмечает: «Это литературное течение, **в основном исключительно в лице Есенина**, (выделено мной – М.Д.) дало русской литературе ряд высокохудожественных произведений...»⁴. А о лекции Чаренца, прочитанной студентам университета, в газете «Советакан Айастан» (от 12 апреля 1923 г.) была опубликована статья литературоведа Тиграна Ахумяна (под псевдонимом «Тимус»). По статье видно, что, характеризуя имажинизм, Чаренц и в лекции особо выделил Есенина, отметив, что им создан «целый ряд чрезвычайно ценных литературных произведений, где с высокой художественностью отображена та тревога, которой объята деревня – вследствие победоносного наступления на нее города... «Последний поэт деревни» Сергей Есенин, полный тревоги из-за этого столкновения, создает свои самые сильные произведения»⁵.

Примечательно, что Чаренц говорил о высокой художественности произведений Есенина в то время, когда имажинизм как литературное течение был отнюдь не поощряем советской идеологией. И хотя сам армянский поэт в те годы старался идти в ногу с эпохой и создавать произведения, соответствующие ее требованиям (как известно, уже со второй половины 20-х годов он отказывается от принципов, провозглашенных в «Декларации трех»), тем не менее, он не мог не почувствовать громадного и самобытного поэтического дара Есенина и не выделить его. Более того, Есенин жил в его душе и все последующие годы, жил как тончайший лирик, чьи строки приходили ему на память в самые разные моменты жизни. Чаренц знал Есенина наизусть, в кругу близких друзей цитировал его строки, что-то переводил – для себя, не для публикаций.

В своих воспоминаниях писатель Хорен Аджемян пишет о Чаренце начала 30-х годов: «Есенина он считал величайшим лириком»⁶. Еще один фрагмент из этих воспоминаний, связанный с Есениным: «Он говорил, что у русских – великая литература. А потом бормотал:

³ См.: Чаренц Е. Сочинения. Ер., 1932, с. 249-250 (на арм. яз).

⁴ Чаренц Е. О литературе. Ер., 1957, с. 78-79 (на арм. яз).

⁵ Статья Т. Ахумяна информационного характера, пересказывающая содержание лекции Чаренца. - Там же, с. 192-193.

⁶ Аджемян Х. Несколько воспоминаний о Егише Чаренце. В кн.: Воспоминания о Егише Чаренце. Ер., 1986, с. 106 (на арм. яз).

По-осеннему кычет сова...
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья...» (с. 107)

В воспоминаниях о Чаренце Ваана Овсепяна запечатлено отношение к Есенину еще одного армянского поэта – Гургена Маари. Автор пишет о Маари: «Он в то время (речь о начале 30-х – М. Д.) очень был увлечен поэзией Сергея Есенина и продекламировал в переводе Чаренца одно двустихие Есенина, если мне помнится, вот это», и В. Овсепян приводит строки стихотворения «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», переведенные Чаренцем:

Ա՛խ, ես հիմա հենց ինքս ինչ-որ դարձել եմ տարտամ,
Ընկերական քեֆերից կորցրել իմ տան ճամփան» (с. 194):

Это следующие строки: «Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, // Не дойду до дома с дружеской попойки». А в книге самого Г. Маари «Чаренц–наме» – о дружбе, встречах и беседах с поэтом, также воскрешены некоторые эпизоды, связанные с Есениным. Один из них – реакция Чаренца на весть о самоубийстве Есенина. «Я зашел к нему с вечерней газетой в руках: – Есенин покончил с собой. – Он посмотрел на меня своими черными, глубокими глазами и попробовал улыбнуться: – Шутить? – Я протянул ему газету: – Нет... И он не шутил, вскрыл себе вену, а потом повесился. Вот... – Он швырнул газету на стол. Рассердился. На кого?... – И последние стихи написал кровью. Да...– Он увидел слезы Арпик⁷, закурил, стал ходить взад-вперед по комнате. – Честно говоря, этого можно было ожидать... – Остановился у окна:

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...»⁸

О том, что Чаренц вспоминал есенинские строки в минуты самых разных душевных состояний, свидетельствует и такой фрагмент:

« 1926-й год. Весна. Лето.

Чаренц переехал в новую квартиру. Арпик уехала в Ленинград.

Одиночество. Беспорядочная жизнь...

Часто-часто вспоминал Есенина. Дремал у стола, просыпался, глухо и нареспев декламировал:

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Всё пролетело, далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!» (с. 93)

В книге Маари есть еще один примечательный факт: именно от Чаренца он впервые услышал имя Есенина. «Как-то он прочел несколько моих неизданных стихотворений, – вспоминает Маари, – и заметил:

⁷ Арпеник Чаренц – первая жена поэта.

⁸ Маари Г. Чаренц-наме. Ер., 2012, с. 91-92 (на арм. яз).. Далее страницы в тексте.

– Очень сильно чувствуется дух Есенина. Не читал? Удивительно. Почитай. Очень полюбишь.

Я прочел. Полюбил. Очень полюбил». (с. 91)

Любовь к Есенину Гурген Маари пронес через всю свою жизнь – такую драматичную, наполненную множеством испытаний⁹... Познакомившись с поэзией Есенина, Маари услышал в ней очень созвучные ему струны.

Есенинские мотивы, трагическая судьба поэта нашли отражение и в творчестве Маари. В 1925 г. им были созданы стихи-подражания, навеянные есенинскими: «Письмо от матери» и «Ответ». Второе стихотворение Маари назвал «Мой ответ», а эпиграфом к нему взял начальные строки Есенина: «Старушка милая, // Живи, как ты живешь»¹⁰. Оба стихотворения датированы одним и тем же числом – 10. 11. 1925, т. е. они были написаны еще при жизни Есенина. В 1928 г., посетив могилу Есенина, Маари пишет стихотворение «Сергею Есенину», а в 1935-ом, находясь в Ленинграде, – стихотворение «В Англиере». Стихотворение «Сергею Есенину» было впервые опубликовано 1 января 1928 года.

Сейчас у нас холодно, холод и на севере,
Снег цветет по краям твоей могилы.
С безутешной болью я вспоминаю твою смерть,
Мой далекий брат, Сергей Есенин...¹¹
(перевод подстрочный)

Образ русского поэта ассоциируется у Маари с конем-скакуном, который мчится свободно, без уздечки, и не всегда по прямой дороге, – но мчится, пока однажды в ночь не разбивается о скалы... А утром на цветах появляются капли слез... В конце стихотворения Маари вновь обращается к Есенину со словами «мой далекий брат», подчеркивая свое духовное родство с русским поэтом. Внутренняя свобода – вот что прежде всего роднило поэзию Маари с поэзией Есенина. Он не побоялся назвать русского поэта своим «далеким братом» в годы, когда после его смерти в стране укоренилось просуществовавшее до середины 1950 гг. негативное понятие «есенинщина» – как символ упаднических мотивов и настроений, несоответствия духу времени, идеалам строительства новой жизни. Ведь это понятие содержало в себе отрицательный, неприемлемый для советской идеологии не только эстетический, литературный, но и политический смысл. Григор Аджемян¹² пишет об отце: «Откровенное вос-

⁹ Уроженец Вана, Г. Маари еще в подростковом возрасте пережил все ужасы Геноцида, потеряв по пути из Западной Армении членов своей семьи; потом испытал все невзгоды жизни в сиротских приютах, а впоследствии дважды становился жертвой сталинских репрессий: был арестован в 1936 году и сослан в Сибирь на 10 лет; возвратившись в 1947-ом, в 1949 году был арестован и сослан вторично; вернулся в 1954-ом и прожил вторую – плодотворнейшую литературную жизнь.

¹⁰ См.: **Маари Г.** ПСС в 15 томах. Т. 2. Ер., 2014, с. 101-106. (на арм. яз.)

¹¹ Там же. Т. 1, Ер., 2013, с. 258 (на арм. яз.)

¹² Григор Аджемян – сын Г. Маари, составитель и автор примечаний ко многим изданиям произведений Маари, в том числе и ПСС в 15 томах.

хищение Есениным вызвало в его адрес новую волну нападок и обвинений в распространении «есенинщины» в Армении»¹³.

Вернувшись в 1954 году после второй ссылки, Маари уже в следующем, 1955-ом откликается на 60-летие Есенина, опубликовав в литературной газете «Гракан терт» (1955, 14 окт.) статью «Сергей Есенин», а к 70-летию Есенина в газете «Советакан Айастан» (1965, 5 окт.) печатает статью «Светоч русской поэзии». Обе статьи переведены на русский язык (вторая – под заглавием «Замечательный певец России») и опубликованы в научном сборнике Ереванского университета «Литературные связи».

Маари называет Есенина великим русским поэтом, при этом отмечая мировое значение его творчества. «В самом деле, – пишет он, – трудно найти на земном шаре такой народ, до которого не дошло бы любимое для нас имя Сергея Есенина»¹⁴. «В чем величие Есенина?» – ставит вопрос автор и отвечает: «Величие Есенина в том, что он прежде всего национальный, русский поэт в самом полном и подлинном смысле этого слова. Величие Есенина в том, что он с небывалой, неповторимой искренностью и непосредственностью воспел свое время., воспел свою родину – ее равнинную синь и раздолье, ее березы, ее поля волнистой ржи, ее луну и звезды. Есенин был мастером пейзажа, мало кто из русских поэтов с такой теплотой и так самобытно воспел природу, землю России, как это сделал Сергей Есенин. Спустя почти сто лет после Пушкина чистая, неподкупная, непритворная лира Есенина зазвучала песнею русской души, и есенинская простота, ясность и искренность покорили сердца миллионов людей» (с. 250). Маари отмечает проникновенный лиризм Есенина, лаконизм его поэтической манеры: «...Даже самые крупные из его поэм и те невелики, но он владел искусством в немногих словах говорить многое, простыми, негромкими, сжатыми строками рисовать образ пережитой им эпохи великого раскола» (с. 251). Эта «эпоха великого раскола», отмечает Маари, и стала причиной глубокой драмы Есенина, которая отразилась в его поэзии. «Тут было не только противоборство «железного гостя», техники и отступающей перед ее напором природы, или, как это часто говорили о Есенине, бунт человека, всеми нитями сердца связанного с природой, против наступающей «стальной конницы». Нет, в есенинской поэзии нашла выражение огромная душевная драма, внутренняя борьба человека, который одной ногою «остался в прошлом», другую ступил на землю нового мира» (с.251). Есенин, подчеркивает Маари, всегда был искренен в выражении своих чувств и эмоций: «Искренность – одно из величайших достоинств, одно из богатств есенинской поэзии, ею пленяет и завораживает она читателя»(с. 255).

Маари касается и «есенинской трагедии», о которой, как он замечает, много говорилось и писалось, причем «часто в тоне обвинительного акта, в лучшем случае – в словах сожаления и соболезнования» (с. 254). Автор не

¹³ См.: **Маари Г.** . Страницы жизни. Ер., 1978, с. 329.

¹⁴ «Литературные связи». Т. 2. Ер., 1977, с. 252. Обе статьи цит. по этому сб. с указ. стр.

принимает подобного подхода. «А разве путь большого поэта бывает ровным и безмятежным? Разве бывает он гладок, как асфальт, и прям, как канат под ногами канатоходца?» (с.255) – спрашивает он и излагает свое понимание творческого пути истинного поэта: «Поэт – не рукопись и не набранный в типографии текст, который можно корректировать, исправлять, «приводить в порядок». Всякого большого поэта и в особенности Есенина надо принимать таким, какой он есть, без оговорок. Есенинская «трагедия» есть не что иное, как сама сущность поэта, не будь таких «трагедий», не было бы у нас и того поэтического мира, который создается только поэтами, который связан с именами Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Чаренца и других, числом немногих, истинных поэтов, среди них и с именем сегодня уже 70-летнего, но оставшегося навсегда молодым Есенина» (с. 254).

Об отношении Маари к Есенину мы узнаем и из статьи Р. Ованесяна¹⁵ «Судьба поэта», вошедшей в его книгу «Вечнозеленое дерево». Статья состоит из двух частей, различных и по манере письма, и по характеру содержания. Первая («Обрывки прошлого»), написана взволнованно, эмоционально: автор воскрешает эпизоды своей жизни, связанные с поэзией Есенина. Ованесян вспоминает, как его друг – поэт Сурен Тарян – осенью 1935 года познакомил его с Гургеном Маари. Спустя несколько дней друзья пришли к Маари в гости. «Когда совсем стемнело, – пишет автор, – Маари предложил: «Пойдемте в пивную, послушаем «Письмо матери» Есенина». По рассказу Р.Ованесяна, после того как они вошли, музыканты, зная, очевидно, вкус своего постоянного посетителя, заиграли «Письмо матери». «Маари слушал и долгое время только пил. Потом своими короткими, меткими фразами стал говорить сначала о матери, затем о Есенине, укоряя при этом меня: – Как же ты хочешь стать поэтом, если не читал Есенина?»¹⁶. Так Маари, сам вызвавший когда-то удивление Чаренца тем, что не читал Есенина, теперь удивлялся тому, что молодой начинающий поэт может не знать Есенина. И этот укор вызвал неумное стремление юноши: «Я должен прочитать Есенина!».

Автор рассказывает, каким открытием стало для него знакомство с есенинской поэзией: «Месяца через два Тарян где-то достал четырехтомник этого поэта. ...И вот начались есенинские чтения. Читаем всюду – в моей маленькой комнате и на улице, за кружкой пива и на скамейке бульвара. ...Под ласковым весенним солнцем читаем и перечитываем Есенина, постигаем чудесный мир этого поэта, и нашим юношеским душам открывается его душа – с ее страданиями и тревогами, надеждами и мечтами, любовью и грустью. Мы видим изображенные Есениным картины русской природы с тончайши-

¹⁵ Ованесян Рачья (1919-1997) – известный армянский поэт, автор нескольких поэтических сборников на армянском и русском языках, критических статей, мемуарной прозы. С 1959 по 1975 гг. был вторым секретарем СП Армении, с 1988 по 1990 – Председателем СП.

¹⁶ Ованесян Р. Судьба поэта. В кн.: Вечнозеленое дерево.. Ер., 1985, с. 165 (на арм. яз). Далее страницы в тексте.

ми описаниями всех времен года, с шелестом берез и шепотом ржаного русского поля, деревянными избами и травяными тропами. Видим душу истинно русского человека и удивляемся и в то же время радуемся, что во всем этом для нас нет ничего чуждого. Это родные нам песни, и поэт говорит с нашим сердцем и от нашего сердца. Мы убеждаемся, что Есенин – действительно самый сердечный поэт, что в его блестящем искусстве форма совсем не видна, форма не привлекает нас, она настолько незаметно и органично вытекает из содержания, что мы даже не говорили об изобретательности поэта, о его мастерстве» (с. 165-166).

Р. Ованесян воссоздает здесь и идеологическую атмосферу 30-х годов, когда официальное отношение к поэту было отнюдь не благосклонным... «Должен сказать, – пишет он, – что мы читали его как «запретную» литературу, читали «по секрету», спорили, разбирали, защищали... Подлинные и выдуманные эпизоды из его жизни рассказывались шепотом, как диковинные факты...» (с.166). А в мемуарной повести «Звезды моей юности» Р. Ованесян вспоминает еще один эпизод своей жизни, когда он на себе почувствовал, что его восторженное отношение к Есенину отнюдь не соответствует духу времени: с ним и с Тарьяном вел беседу в Союзе писателей Армении довольно известный и авторитетный в те годы писатель Мовсес Арази. Арази обратился к молодым поэтам:

«– Кого вы читаете? Кого любите?

Я выступаю вперед, хочу поразить его своими знаниями.

– Верлен, Есенин, Терьян, Мецаренц... – Ну-ну-ну... Постой, постой... Что это за имена? Верлен? Есенин? Откуда вы их знаете? – Мы читали некоторые их вещи. По-русски, конечно. –Да-а? Это неплохо, читайте. Только Верлен и Есенин вам ни к чему. Конечно, что-то можете почерпнуть у них в смысле формы, но в отношении психологии – не советовал бы... – Говорит и уходит, будто остерегаясь нас»¹⁷.

В первой части статьи «Судьба поэта» Р. Ованесян пишет: «Несмотря на неблагоприятные обстоятельства времени, поэзия Есенина жила в нас, ее читали, декламировали, пели. ...Еще до войны, в часы беззаботных «поэтических» прогулок мы с Вигеном Хечумяном, Геворгом Эмином, Ваагном Давтяном, Хачиком Малхасяном и другими друзьями все время вспоминали его восхитительные строки» (с. 167).

Во второй части («Птица Феникс») более заметен литературно-критический подход к характеристке и оценке есенинского творчества, а дата в конце статьи – 1975 год – свидетельствует о том, что написана она была в связи с юбилеем великого русского поэта. По дате видно, что уже прошли времена «есенинщины» и можно было говорить о поэте более свободно. Характеризуя поэзию Есенина, Р. Ованесян образно сравнивает ее с легендарной птицей Феникс: ведь поэзия эта и при его жизни, и в последующие годы нередко попадала в огонь уничтожения, но вылетала из него ожившей и возродившейся...» (с. 171).

¹⁷ Ованесян Р. Звезды моей юности. Мемуарная повесть. Ер., 1988, с. 79.

Высказывается и мысль, идентичная приведенным выше словам Евтушенко: «Я не знаю более русского поэта, чем Сергей Есенин» (с. 171), – пишет он, а далее выделяет наиболее характерную, с его точки зрения, сторону есенинской поэзии: «В моей статье совершенно непроизвольно несколько раз повторилось слово «искренний», и это – самое меткое слово, которым можно охарактеризовать как личность Есенина, так и все его творчество» (с. 173).

Затрагивает автор и тему «Есенин и армянская литература». «Поэзия Есенина оказала влияние на литературу многих народов. У нас лучи его поэзии особенно блистают в творчестве Гургена Маари и представителей более молодого поколения – П. Севака, А. Сагияна, Г. Эмина, В. Давтяна. Армянские поэты переводили его, и я особенно выделил бы его лучшего переводчика – В. Давтяна» (с. 173).

Ованесян имел здесь в виду первую книгу Есенина на армянском языке, вышедшую в 1961 г. Известно, что еще при жизни поэта в Армении планировалось издать его книгу; об этом писал он сам Г. Бениславской 20 декабря 1924 г.: «В Армении выходит на армянском языке целая книга»¹⁸. В другом письме к ней же (17 дек. 1924) Есенин сообщает, что ему даже выслали гонорар¹⁹. Но это издание не состоялось по неизвестным причинам – вероятнее всего, по идеологическим. И поэзия Есенина в достаточно полном объеме (в сборнике 397 страниц) лишь в 1961 г. предстала перед армянским читателем. Составителем и автором предисловия был известный армянский поэт Ваагн Давтян.

«Поэзия только тогда оказывает свое глубокое воздействие, когда она по-человечески искренна и честна, когда поэт раскрывает перед читателем всю свою душу без остатка. Сергей Есенин – один из таких на редкость искренних и непосредственных поэтов, а его творчество – одна из самых сердечных, самобытных, богатых национальными оттенками страниц русской поэзии. ...Светом и печалью окутаны лучшие песни Есенина, и из этого света и элегической печали предстает перед нами чудесный образ поэта – глубоко человеческий и драматичный...»²⁰ – так начинает В. Давтян свою вступительную статью, написанную взволнованно и проникновенно. Проследив жизненный и творческий путь Есенина, не обособляя его биографию и творчество, а рассматривая их в единстве и взаимосвязи, В. Давтян ссылается и на признания самого поэта, и на М. Горького, определившего самую суть и неповторимость есенинской лирики.

Характеризуя поэзию Есенина, В. Давтян прежде всего выделяет его особенное чувство природы и отмечает, что «вся система образов поэта идет от родной природы. Он видит все оттенки этой природы, слышит самые нежные ее голоса, чувствует ее тончайшие ароматы (с. 5). Говоря о любовной лирике поэта и об особом воздействии ее на читателя, автор и здесь замечает,

¹⁸ Есенин С. СС в пяти томах. Т. 5. М., 1968, с. 150.

¹⁹ Там же, с. 145.

²⁰ Есенин С. Избранное. Ер., 1961, с. 3 (на арм. яз). Далее страницы в тексте.

что лирика эта «замешена на всех нюансах красок русской природы – с золотистой нежностью ее лунных ночей, с утренней свежестью апрельской сирени, с легкой снежной пылью вьюжных зимних дней...» (с. 11).

Заметим, что сам В Давтян перевел для сборника свыше 50 стихотворений, а также поэму «Анна Снегина». Его переводы удачны, он сумел воссоздать особенности есенинской неповторимой интонации, его пронзительный лиризм.

В 70-е годы было написано стихотворение известного армянского поэта Размика Давояна «Есенин». Оно вошло в его сборник «Открой свою кору» (1975). Давояновский образ русского поэта – луч света, добра, утешающий его в страданиях:

По доброму, по-братски ты говоришь мне: живи,
Пусть вьюга тебя никогда не достигнет,
Пусть не бьет по тебе ветер, не опустится на тебя плеть...

Есенин для Давояна – еще и духовная опора, дарующая жизненную силу:

– Ничего, – говоришь ты. – Не страдай, ничего,
Горы не сгибаются от страха перед ветрами...²¹
(перевод подстрочный)

В 1986 году вышла в свет на армянском книга: «Александр Блок, Сергей Есенин. Избранные произведения. Стихи, поэмы». Вступительная статья написана Ваагном Давтяном. В той ее части, которая посвящена Есенину, есть лишь отдельные фрагменты, совпадающие с изданием 1961 года. Как бы объединяя обе части своей статьи, В. Давтян начинает разговор о Есенине с того, что в 1914 году крестьянский юноша, попав в Петроград, пришел со своими стихами к Александру Блоку. «Случайно ли это, – задается вопросом автор, – что, оставив в стороне всех известных поэтов (а некоторые из них имели в то время более шумный успех, чем Блок), Есенин в первую очередь хотел увидеть именно Блока, узнать именно его мнение о своих стихах? Думаем, нет. Какое-то духовное родство привело Есенина к двери Блока. Есенину не могли не быть близки те стихотворения Блока, в которых воспеты Россия и русский дух»²². И Давтян цитирует некоторые строфы Блока, в частности, вот эту:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

²¹ Давоян Р. Избранные сочинения. Стихи и поэмы. Ер., 1987, с. 50-51 (на арм. яз.)

²² Блок А., Есенин С. Избранные произведения. Ер., 1986, с. 15 (на арм. яз.). Статья В. Давтяна цитируется с указанием страниц.

А приведя строки из письма Блока Есенину, автор так комментирует их: «Обладающий удивительно острым чувством предвидения Блок с тайной тревогой ощущал, что путь Есенина не будет легким, потому что прекрасно знал о жестокости того мира, в который должен был войти этот приехавший из деревни чистый душой юноша... Предчувствие Блока было безошибочным; последующие события показали, что Есенину суждена была дорога, полная мучительных душевных драм, – дорога, которая, увы, должна была закончиться трагически...» (с. 17).

Интересна описанная здесь реакция Уильяма Сарояна на поэзию Есенина:

«В один из приездов Сарояна в Армению он у меня дома увидел на стене портрет Есенина.

– Кто это? – спросил он.

– Великий русский поэт. Максим Горький очень любил его.

– Расскажи о нем, расскажи подробно.

Я рассказал.

– Понял. Этот поэт похож на Роберта Бернса. Бернс ведь тоже был крестьянским сыном, он пел естественно, как птица. Я очень люблю его стихотворение о том, как пахарю было больно оттого, что он своим плугом разрыл нору полевой мыши... У Бернса была особая жалость к животным. А у Есенина есть такие стихотворения?

– Есть. У него есть изумительное стихотворение о собаке...

– О чем оно?

– Собака родила щенят, семерых... Хозяин собрал их в мешок и бросил в реку. Слезы из глаз собаки катились, как звезды...

– Значит, и Есенин великий поэт, потому что у него есть великая жалость...» (с. 17).

В статье высказана также, конечно, не новая, но важная для Давтяна как поэта мысль о том, что истинная поэзия всегда выходит за рамки своего времени и рамки критических ее толкований в те или иные эпохи: «В разные времена были различны и противоречивы критические оценки есенинской поэзии. Различны и противоречивы, и принадлежали они разным людям. Великие высоко оценивали его, малые старались развенчать. На него навешивали различные «измы», обвиняли в упадочничестве, в идейной неустойчивости, представляли его как певца деревенской отсталости, поборника старого и т.д., и т.д. Но прошло время, и сегодня Сергей Есенин предстает перед нами как великий национальный поэт русского народа, безгранично честный и светлый. Более того, он – один из самых великих мировых лириков, то есть один из самых искренних, самых притягательных. ...Вся поэзия Есенина – это искренняя и скорбная, честная и великая исповедь перед человеком, миром, собственной совестью и родной землей» (с. 22).

Из армянских поэтов свое слово о Есенине сказал еще один его переводчик – Геворг Эмин, статья которого «Волшебный сплав» начинается несколь-

ко неожиданно: «Хочу с самого начала оговорить, что Есенин – не мой поэт, я более духовный сын Владимира Маяковского и Егише Чаренца, чем, скажем, Сергея Есенина и Аветика Исаакяна... Однако это не мешает, а лишь помогает лучше почувствовать и понять его неповторимое величие в том ярком созвездии поэзии начала века (Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский), которое освещает весь путь новой русской поэзии»²³. А название статьи раскрывается в ее тексте: «Настоящий поэт, – пишет автор, – выражающий свой век и свое время, не может быть поэтом только чувств и эмоций и не быть также поэтом большой мысли. Как все большие, настоящие поэты, он должен быть поэтом *эмоциональной* мысли или *мудрой* эмоции – обладать волшебным сплавом мысли и чувства..» (с.50). Именно этот «волшебный сплав мысли и чувства» считает Г. Эмин характерной чертой поэзии Есенина. Отметив, что время его жизни было сложным и трагические противоречия времени он, как истинный поэт, отразил в своих произведениях, Г. Эмин пишет: «И однако – удивительное явление – это трагическое дыхание, эта грусть и печаль не давят на тебя, не омрачают душу, когда ты читаешь словно светящиеся изнутри стихи Есенина... Да, горем и печалью дышат многие стихи Есенина, даже мрачным трагизмом (вспомним хотя бы того же «Черного человека»), и однако, как сказал Пушкин, его «печаль светла»... Светла до того, и до того полна тепла и молодой страсти, что его невозможно представить себе старым... – его, вечно молодого Есенина с золотой копной волос и васильковыми глазами» (с. 50-51).

Обратившись к теме «Есенин и Армения», Г. Эмин отмечает, что вслед за Чаренцем Есенина переводили почти все современные талантливые поэты Армении; говорит о первом сборнике поэта на армянском языке, а также подчеркивает: «Есенин – не только один из самых любимых и популярных русских поэтов в Армении. Он оказал большое влияние на таких армянских поэтов, как Гурген Маари, Амо Сагиян и Ваагн Давтян. Появление даже таких «очень армянских стихов» по теме и фактуре, как «Вечереет» Амо Сагияна, было бы невозможно без благотворного влияния Сергея Есенина» (с. 51).

Заметим, что и Амо Сагиян говорил о влиянии на его творчество поэзии Есенина. В беседе с Л. Мкртчяном он сказал: «...Мне трудно назвать поэтов, имевших на меня преимущественное влияние, хотя в одной автобиографии я писал, что в мой поэтический мир тропинку указал мне Есенин, а ключ вручил Туманян...»²⁴.

В литературоведении уже освещалась связь поэзии Сагияна с лирикой С.Есенина. Так, С. Хитарова приводит слова писателя Ст. Зорьяна: «Сагиян поет своим голосом, голос у него непринужденный и заразительный и порою заставляет меня вспомнить Есенина»²⁵. А связь эту С. Хитарова правомерно

²³ См. в сб.: «В мире Есенина». М., 1986, с. 49. Далее страницы в тексте.

²⁴ Мкртчян Л. Разговоры с поэтом. Ер., 1984, с. 162.

²⁵ Эти слова Ст. Зорьяна С. Хитарова цитирует по журналу «Литературная Армения», 1974, № 10, с. 8.

усматривает прежде всего в чувстве природы у обоих поэтов. «Источником лиризма Сагияна так же, как в поэзии Есенина, является прежде всего родная природа», – пишет автор и проводит параллель между строками Сагияна: «Я от камней зачат в камнях, // Мне в колыбели камни пели» и Есенина: «Родился я с песнями в травном одеяле. // Зори меня вешние в радугу свивали»²⁶. А в сагияновском художественном отображении природы С. Хитарова видит «творчески воспринятый опыт есенинской поэзии» (с. 119). Она приводит различные строки Сагияна, в которых «одушевление природы, единство «человеческого» и «природного» и превращение одного в другое сохраняют свою национальную структуру и одновременно с этим приобретают подвижность, изменчивость, аналогичные есенинской поэтике» (с. 120-121).

Амо Сагиян перевел 64 стихотворения Есенина. Помимо армянских изданий Есенина 1961, 1986 и 2005 г. (о котором будет сказано), где были помещены его переводы, они вышли в свет отдельной книгой в Ереване в 2006 г. (это параллельное издание оригиналов и переводов) уже посмертно.

В 1982 г. вышла в свет небольшая книжка Есенина, целиком переведенная поэтом Рачья Тамразяном. 110-летие поэта издательство «Наири» отметило выходом в свет в 2005 г. нового сборника – «Стихотворения и поэмы». Его составителем и автором вступительной статьи был Р. Тамразян. Помимо своих переводов (они составляют здесь подавляющее большинство), составитель включил в это юбилейное издание и переводы В. Давтяна, А. Сагияна, Г.Эмина, П. Севака. А вступительная статья Р. Тамразяна (она отсутствовала в сборнике его переводов 1982 г.) написана ярко, художественно, эмоционально, – написана поэтом.

«Сергей Есенин – кристаллизованный образ мятежной русской души. Его поэзия рождается из глубинных истоков и движется к вечности, ибо в своем сказе о родном крае поэт ищет его тайну, его сверхсмысл...»²⁷, – так начинается свою статью Р. Тамразян. По автору, это можно заметить и в совершенно особенном есенинском восприятии природы: «Природа для него – некий таинственный обряд, богослужение, в процессе которого стихотворение становится молением» (с. 3). Подчеркивая такую характерную черту есенинской поэзии, как одушевление природы, Тамразян пишет: «Столь глубокий лиризм, столь вдохновенное ощущение одухотворенной и очеловеченной природы, столь непосредственные переживания присущи в русской поэзии только Есенину» (с. 4). О есенинском чувстве родной природы написано так много, что, казалось бы, уже нечего добавить к сказанному, но Р.Тамразян озвучивает в этой теме и свою собственную ноту, рожденную его восприятием: не только человек ощущает природу живой и дышащей, но и сама природа тянется к человеку, внимает ему: «Природа словно отдала

²⁶ Хитарова С. Стилевые поиски и взаимодействие литератур. М., 1976, с. 119. Далее страницы в тексте.

²⁷ Тамразян Р. Звездный путь поэта. В кн.: С. Есенин. Стихотворения и поэмы. Ер., 2005, с. 3 (на арм. яз.). Далее страницы в тексте.

поэту свою душу, свою волшебную свирель, – пишет он. – И читатель испытывает удивительное ощущение: **природа словно более чутка к песне поэта, чем люди** (подч. мной – М.Д.); кажется, что озеро, река, деревья, кустарники, затаив дыхание, слушают его излияния – такие изначальные и чистые...» (с. 5). В поэзии Есенина армянин Р. Тамразян увидел и почувствовал еще и то, что отметил Евгений Евтушенко: «Есенин, – пишет Тамразян, – проникает **не только в поэтику русского фольклора, но и в его глубинные мистически-обрядовые пласты** (выделено мной – М.Д.), и это отражается в его пейзажных образах: природа-мать одухотворена, она говорит, и ее голос улавливает поэт, становясь его продолжением, играя на ее волшебной свирели, и вся природа заколдованно движется за своим сыном-чудотворцем» (с. 6). А завершается статья словами о бессмертии великого поэта: «Сергей Есенин стал легендой еще при жизни, а его поэзия подобна сказу, многие пласты которого еще не раскрыты; она впитана в родную почву и откликается из будущего... И кажется, из будущего доходит до нас его звездная тайна прощания и возвращения...» (с. 11-12).

* * *

Мы попытались показать, как воспринимали поэзию «самого русского поэта» Сергея Есенина поэты армянские; чем эта поэзия оказалась им близка; что они в ней ценили, за что любили, как отозвалась эта любовь в их творчестве. Тема эта, безусловно, отнюдь не исчерпана и, надеемся, со временем будет пополняться. Еще ждут своих исследователей армянские переводы поэзии Есенина, их необходимо проанализировать и оценить, тем более что уже существует немало разных переводов тех или иных произведений поэта, и не только стихотворений, но и поэм.

Ключевые слова: *Есенин, армянские поэты, восприятие, оценки, искренность, лиризм, особое чувство природы*

ՄԱԳՐԱ ՋԱՆՓՈՒԱԴՅԱՆ – Մերգեյ Եսենինը հայ բանաստեղծների աշխարհում – Հոդվածում լուսաբանվում և բնութագրվում է «ամենառուս պոետի» (Ե. Եվտուշենկո)՝ Մերգեյ Եսենինի ընկալումը հայ բանաստեղծների կողմից: Ջանազան հիշողությունների, հոդվածների, Եսենինին նվիրված բանաստեղծությունների հիման վրա ցույց է տրված, թե Եսենինի պոեզիան ինչով էր մոտ ու հարազատ հայ բանաստեղծներին, նրա քնարերգության որ էական գծերն էին նրանք համարում վառ և յուրահատուկ, ինչ ազդեցություն է թողել Եսենինը հայ որոշ բանաստեղծների վրա: Անդրադարձ կա նաև Եսենինի պոեզիայի հայերեն թարգմանություններին և հրատարակություններին:

Բանալի բառեր – *Եսենին, հայ բանաստեղծներ, ընկալում, գնահատականներ, անկեղծություն, քնարականություն, բնության ուրույն զգացողություն*

MAGDA JANPOLADYAN – *Sergey Yesenin in the World of Armenian Poets.*– The article covers and characterizes the perception of Sergey Yesenin as “the most Russian poet” by different generations of Armenian poets. Different memoirs, articles and poems, devoted to Sergey Yesenin, show why his poetry was so familiar and liked by Armenian poets. The works disclosed the brightest and most defining features of Yesenin’s lyrics, as well as the influence he had on certain Armenian poets. This article also features translations of several works by Yesenin and his Armenian editions.

Key word: *Yesenin, Armenian poets, perception, evaluations, sincerity, lyricism, special attitude to nature, Yesenin in Armenian*